

ВАРШАВСКІЙ ЕПАРХІАЛЬНЫЙ ЛИСТОКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПРИ ВАРШАВСКОЙ АРХІЕПИСКОПСКОЙ КАМЕРАЛЬ.

Адресъ Редакціи: Долгая улица, домъ № 13.

Рукописи должны доставляться въ Редакцію четко переписанными, за полною подписью автора и съ обозначеніемъ адреса. По усмотрѣнію Редакціи рукописи подвергаются сокращеніямъ и исправленіямъ; авторы, несогласные съ этимъ, должны дѣлать оговорку предъ заглавіемъ рукописи.

ВЫХОДИТЬ
1 и 16 каждаго
мѣсяца.

Годовая цѣна—5 руб.

Статьи, присланныя безъ указанія гонорара, считаются бесплатными. Непринятыя для печати рукописи возвращаются авторамъ или лично, или по почтѣ, если присланы марки на пересылку. Рукописи, невостребованныя въ теченіе года, уничтожаются.

О Т Д Ъ Л Ь I.

Епархіальныя распоряженія и извѣстія.

На мѣсто уволеннаго отъ должности благочиннаго 6-го округа Протоіерей *М. Щепинскаго*—назначенъ благочиннымъ настоятель Кѣлецкаго собора Протоіерей *В. Теодоровичъ* (1/IX).

На подлинномъ Его Высокопреосвященствомъ положена 1 сего Сентября слѣдующая Архипастырская резолюція: „Читаль—напечатать о семъ въ Варшавскомъ Епархіальномъ Листкѣ *А. Н.*“.

Въ Варшавскую Духовную Консисторію.

Рапортъ Благочиннаго 4-го Варшавскаго Округа.

Настоятель Кибартской церкви рапортомъ отъ 24 сего августа за № 723 донесъ мнѣ слѣдующее: 23 сего августа Кибартскую церковь посѣтилъ Его Высочество Князь Іоаннъ Константиновичъ. Его Высочество изволили притти въ храмъ къ началу венощнаго бдѣнія, сталъ на клиросѣ, шѣлъ съ псаломщиками прочиталъ самъ шестопсалміе и 1-й часъ, усердно молился, а при прощаніи оставилъ въ пользу храма 100 рублей. О вышеизложенномъ долгъ имѣю донести Духовной Консисторіи, августа 28 дня 1914 года за № 1352.

Подписаль: Благочинный Протоіерей *Ш. Богдановъ*.

Въ Совѣтъ Варшавскаго Св. Троицкаго Братства

Члена Дѣлопроизводителя Священника Александра Субботина.

Д о к л а д ъ.

Съ благословенія Высокопреосвященнаго Николая, Архіепископа Варшавскаго и Привислинскаго, и въ силу постановленія Совѣта Братства отъ

17 го марта с. г.,—посѣтилъ пріюты—школы при Вировскомъ, Лѣсинскомъ и Радочницкомъ монастыряхъ, въ которыхъ воспитываются стипендіаты Св. Троицкаго Братства, и о результатахъ сего посѣщенія имѣю честь представить Совѣту Братства настоящій докладъ.

Перваго мая прибылъ въ пріютъ—школу при Вировскомъ монастырѣ, который расположенъ въ Соколовскомъ уѣздѣ, Люблинской губ. и отстоитъ въ 23 верстахъ отъ желѣзнодорожной ст. Соколовъ. Въ пріютѣ и школахъ монастыря помѣщается 33 братскихъ стипендіата, изъ нихъ школьнаго возраста 26 и малолѣтнихъ 7. Изъ 26 учащихся школьнаго возраста—3 дѣвочки воспитываются въ школѣ при Вировскомъ мон., тамъ же помѣщаются и 7 малолѣтнихъ въ пріютѣ; Алексѣй Любимовъ обучается въ Яблочинской второклассной школѣ и 22 мальчика воспитываются въ Моложовской двухклассной школѣ, въ 2-хъ верстахъ отъ монастыря, при чемъ, по степени успѣшности въ изученіи усвояемыхъ ими предметовъ, учащіеся распредѣляются по отдѣленіямъ: въ вступительномъ 7, въ I отд. 7, во II отд. 5, въ IV отд. 1. и въ сапожной мастерской 2. Пріютъ и школы—Вировская женская и Моложовская мужская—помѣщаются въ красивыхъ каменныхъ зданіяхъ, вполне приспособленныхъ своему назначенію. Классныя комнаты, спальни, столовая, умывальная, цейхаузь—большихъ размѣровъ, корридоры широкіе—всюду масса свѣта и воздуха. При каждой школѣ есть домовая церковь, которая своей чистотой ласкаетъ взоръ посѣтителя: видна всюду заботливая рука монахинь. При Моложовской школѣ имѣются сапожная и столярная мастерскія, помѣщающіяся въ большомъ деревянномъ зданіи бывшей школы. Здѣсь мальчики, въ свободное отъ учебныхъ занятій время, работаютъ подъ руководствомъ мастеровъ. Въ этомъ году при школѣ заведено переплетное ремесло, но участіе дѣтей выражается пока только въ наблюденіяхъ за работой учителя.—Школьныя больницы помѣщаются въ отдѣльныхъ

зданіяхъ. При школахъ имѣются большіе дворы для игръ и сады съ огородами, за которыми смотрятъ старшіе дѣти.

Дѣло воспитанія дѣтей въ школахъ Вировскаго монастыря ведется подъ руководствомъ Завѣдывающей школой, учительницъ и особыхъ воспитательницъ-монахинь, а въ Моложовской мужской — подъ руководствомъ Законоучителя, трехъ учителей, монахинь и двухъ инструкторовъ-унтеръ-офицеровъ Л. Гвардіи Литовскаго полка, которые занимаются съ дѣтьми гимнастикой. Учебный персоналъ школы помѣщается тутъ же въ школѣ, занимая подъ квартиры часть зданія въ нижнемъ этажѣ.

Въ день дѣти находятся подъ неослабнымъ наблюденіемъ дежурнаго воспитателя, и воспитательницъ, которые ведутъ нелегкое свое дѣло вполне добросовѣстно. По заявленію О. Законоучителя и учителей, братскіе стипендіаты ведутъ себя хорошо, кромѣ Витюгова Григорія I отд., который — упрямъ, лѣнивъ, непослушенъ, неоднократно убѣгалъ изъ школы, и Богуша Василья вступ. отд. — мальчика разсѣяннаго, упрямаго и крайне лѣнливаго; сидитъ три года въ отдѣленіи.

Учебный день въ школахъ начинается съ 6^{1/2} ч. утра, когда они встаютъ, убираютъ свои постели, а въ 7^{1/2} час. идутъ на молитву въ церковь. Здѣсь очередной мальчикъ читаетъ молитву, а батюшка прочитываетъ положенное на сей день евангеліе. Въ 7^{1/2} час. дѣти завтракаютъ. Завтракъ состоитъ изъ супа или борща съ хлѣбомъ, смотря по расписанію, а въ праздники — чая съ хлѣбомъ. Съ 8 часовъ и до 1 часа дня, т. е. до обѣда, идутъ уроки съ перерывами въ 15 м. для отдыха. Обѣдъ состоитъ изъ супа и каши съ саломъ. Мясо дается три раза въ недѣлю. Слабымъ дѣтямъ въ школѣ дается болѣе обильный столъ. Послѣ обѣда и до 4^{1/2} час. дня дѣти гуляютъ, занимаются гимнастикой и посѣщаютъ мастерскія. Въ сапожной мастерской намъ пришлось застать 5 мальчиковъ, изъ нихъ 2-хъ братскихъ стипендіатовъ: Михаила Синютина и Георгія Зозулю. Послѣдніе ежедневно и аккуратно работаютъ здѣсь подъ руководствомъ мастера и снабжаютъ обувью всѣхъ школьныхъ дѣтей и монахинь. Въ столярной мастерской застали 2-хъ мальчиковъ, изъ нихъ братскій стипендіатъ — Дружининъ Георгій, по заявленію мастера, обнаруживаетъ способность къ этому ремеслу. Конечно, далеко не всѣ изъ братскихъ стипендіатовъ имѣютъ возможность посѣщать эти мастерскія: препятствіемъ къ сему является ихъ малолѣтство. Зато гимнастикой занимаются всѣ обязательно. Мы имѣли возможность любоваться красивымъ исполненіемъ фигуръ сокольскихъ упражненій, которыя школьные дѣти продѣлывали подъ руководствомъ инструкторовъ съ большою ловкостью и эластичностью.

Въ пять часовъ дѣтямъ дается полдникъ, послѣ котораго они занимаются въ классахъ до 8 час. т. е. до ужина. Ужинъ тотъ же завтракъ. Учебный день дѣтей заканчивается въ 9 час. вечера молитвой въ церкви, послѣ которой всѣ ложатся спать. Въ спальняхъ дѣти спятъ на нарахъ, на которыхъ положены тюфяки и подушки. Постели у всѣхъ чисты. Дѣти, страдающія болѣзнию пузыря, изолированы отъ здоровыхъ и помѣщаются въ отдѣльной спальнѣ, гдѣ приняты мѣры для поддержанія должнаго порядка, чистоты и притока свѣжаго воздуха.

Всѣ дѣти одѣты чисто и опрятно. Бѣльемъ и одеждой снабжены въ достаточномъ количествѣ. Въ цейхаузѣ мы видѣли по 6 паръ носильнаго платья на каждаго мальчика. Каждая двѣ недѣли дѣти моются въ банѣ.

Въ заключеніе сего доклада считаю долгомъ сообщить Совѣту Братства, что двое изъ стипендіатовъ — Любимовъ Алексѣй 16 л. и Михайль Синютинъ 16 л. вышли изъ того возраста, какой даетъ имъ право на пользованіе стипендіей. По заявленіи Завѣдывающей школами, Алексѣй Любимовъ, съ разрѣшенія Совѣта Братства, поступилъ въ Яблочинскую второклассую школу, которую окончитъ только въ будущемъ году. Круглый сирота, способный, трудолюбивый и отличнаго поведенія — Любимовъ Алексѣй, луждаясь въ продолженіи ему стипендіи еще на годъ, заслуживаетъ поощренія со стороны Совѣта Братства, дабы дать ему возможность закончить школу и получить право на званіе учителя. Въ такомъ же положеніи находится и второй стипендіатъ Михайль Синютинъ, который въ Моложовской школѣ подъ руководствомъ мастера занимается сапожнымъ ремесломъ. Круглый сирота — Михайль Синютинъ, по заявленію мастера, юноша старательный, шьетъ уже обувь школьнымъ дѣтямъ и монахинямъ съ большимъ усердіемъ, но не знаетъ еще кройки обуви. Для изученія сего потребуется поработать еще годъ, дабы имѣть возможность работать самостоятельно. Если же Совѣтъ Братства не найдетъ возможнымъ предоставить Алексѣю Любимову и Михайлу Синютину стипендіи еще на годъ, то монастырь согласенъ взять ихъ на свое попеченіе.

Въ школахъ при Лѣснинскомъ женскомъ монастырѣ, которыя посѣщены мною 4 мая, воспитывается 14 братскихъ стипендіатовъ, изъ нихъ двѣ въ пріютѣ для малолѣтнихъ, а остальные, по степени успѣшности въ усвоеніи преподаваемыхъ имъ предметовъ, распредѣляются слѣдующимъ образомъ: въ I отд. второкл. школы 1, во II отд. 2 и въ III отд. 2, въ III отд. двухкл. шк. 2, въ I кл. высшаго начальнаго уч. 1, на I курс. сельско-хозяйственной школы 1, на II курсѣ 2 и на III курсѣ одна — Ильенко Анна, которая въ этомъ

году окончиваетъ школу и, съ разрѣшенія Настоятельницы монастыря, поступаетъ на учительскіе курсы для полученія диплома на званіе учительницы. Изъ братскихъ стипендіатокъ: Волкъ Екатерина, Ильенко Марія, Рабчевская Софія и Рабчевская Марія достигли того возраста, какой лишаетъ ихъ права на пользованіе стипендіей. На послѣднее обстоятельство нами было обращено вниманіе Настоятельницы монастыря, которая выразила желаніе придти имъ на помощь зачисленіемъ ихъ на свои стипендіи. Вопросъ о лишеніи четырехъ потомцевъ братскихъ стипендіи изъ-за предѣльнаго возраста разрѣшился благополучно. Остальныя стипендіатки братства числомъ 10 воспитываются, какъ было уже сказано выше, во второклассной, двухклассной школахъ и высшемъ начальномъ училищѣ. Одни названія школъ свидѣтельствуютъ о томъ разнообразіи ихъ, какое является достояніемъ единственно Лѣнинскаго монастыря. Здѣсь сосредоточены школы трехъ вѣдомствъ: свещ. Синода, Народнаго Просвѣщенія, земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ. Получающія образованіе въ этихъ школахъ оканчиваютъ ихъ съ правами учительницъ и инструкторшъ по различнымъ отраслямъ хозяйства.

Ремесленныхъ школъ при Лѣнинскомъ монастырѣ не имѣется, да въ нихъ, по заявленію одной изъ воспитательницъ, пока не ощущается нужды, такъ какъ поступающія въ эти школы по конкурсу, а равно и братскіе стипендіатки, подготовляются непременно къ званію учительницъ или инструкторшъ по различнымъ отраслямъ хозяйства.

Всѣ школы помѣщаются въ отдѣльныхъ каменныхъ зданіяхъ, которыя оборудованы сообразно своему назначенію. Къ школамъ примыкаетъ большой монастырскій садъ, паркъ и недалеко расположенъ лѣсъ. Въ отдѣльномъ зданіи имѣется дѣтская больница, оборудованіе которой вызываетъ вполне заслуженное удивленіе.

Учебный персоналъ школъ составляютъ: Завѣдывающая школами, Завѣдывающій учебной частью, онъ же законоучитель, ученый агрономъ, пѣлый штатъ учительницъ и воспитательницъ — большинство изъ нихъ съ высшимъ образованіемъ. Всѣ они относятся къ своему великому дѣлу воспитания и образованія дѣвушекъ съ должнымъ вниманіемъ и усердіемъ. Учебный день дѣтей проходитъ такъ же, какъ въ Вировскомъ и Радочницкомъ монастыряхъ, которые получили начало своего бытія въ Лѣснѣ, откуда ими позаимствовано и заимствуется все. Отличительной особенностью школьной жизни дѣтей Лѣнинскаго монастыря, въ свободное отъ занятій время, являются практическія занятія ученицъ сельско-хозяйственной школы, когда каждая изъ нихъ занимается куроводствомъ, имѣя свое стадо, или другими отраслями хозяйства. Ученицы же другихъ школъ

занимаются изученіемъ пѣнія и музыкой-игрой на скрипкѣ и роялѣ. Изъ братскихъ стипендіатокъ — Ильенко Анна и Дохнякъ Татьяна, обладая хорошимъ сопрано, берутъ уроки пѣнія въ надеждѣ продолжить дальнѣйшее образованіе, быть можетъ, въ консерваторіи, куда Настоятельница монастыря выражаетъ желаніе опредѣлить ихъ. Вообще, жизнь братскихъ стипендіатокъ въ Лѣнинскомъ монастырѣ протекаетъ въ условіяхъ благопріятныхъ для достиженія той цѣли, къ какой онѣ предназначаются школьнымъ начальствомъ.

Десятого мая с. г. посѣтилъ пріютъ — школу имени Архіепископа Иеронима при Радочницкомъ монастырѣ, который расположенъ въ Замостскомъ уѣздѣ, Холмской губ. Въ этомъ пріютѣ обучаются 16 братскихъ стипендіатокъ, изъ нихъ: Шулякъ Екатерина окончиваетъ въ этомъ году учительскіе курсы; Лынь Марія, (калѣка безъ руки), переходитъ во II учительскій классъ; Балейко Анна, Микитюкъ Софія, Морозова Анастасія учатся во второклассной школѣ; семь дѣвочекъ учатся въ одноклассной школѣ; Курило Екатерина и Ющакъ Анна, окончивши одноклассную школу, какъ круглыя сироты и малоспособныя къ ученію, опредѣлены въ Турковицкую ремесленную школу, куда временно переданы и ихъ стипендіи. Впрочемъ, Курило Екатерина въ скоромъ времени возвращается въ Радочницу для изученія дѣла устройства садовъ и занятій съ малолѣтними, такъ какъ лѣтомъ предполагаются при Радочницкой школѣ Фребельскіе курсы. Особенно печальна судьба братской стипендіатки Антонины Шуперъ 19 л., страдающей нервнымъ разстройствомъ. По ходатайству Настоятельницы монастыря, близко принимающей къ сердцу положеніе больной, Антонина Шуперъ была помѣщена въ Люблинскую больницу для душевно больныхъ, но не долго пришлось держать ее тамъ. Съ одной стороны плата за содержаніе въ больницѣ слишкомъ велика, съ другой — условія жизни для больной тамъ тяжелы. Въ настоящее время Шуперъ помѣщается въ Щебрешинской больницѣ, въ 15 вер. отъ монастыря, гдѣ хорошій уходъ, спокойная обстановка благотворно дѣйствуютъ на больную. Быть можетъ, Шуперъ еще поправится, но, по заявленію Настоятельницъ монастыря, вполне работоспособной она врядъ ли когда будетъ. Изъ 16 братскихъ стипендіатокъ — четыре — въ томъ числѣ Шулякъ Екатерина, окончивающая въ этомъ году, и больная Шуперъ Антонина — достигли того предѣльнаго возраста, который лишаетъ ихъ права на пользованіе стипендіей, а чѣмъ счелъ долгомъ сообщить Настоятельницѣ монастыря. Матушка выразила готовность содержать ихъ на счетъ монастыря, но просила взаимнѣ выбывшихъ назначить, по усмотрѣнію Совѣта, новыхъ стипендіатокъ. Такимъ образомъ и здѣсь вопросъ о ли-

шенія четырехъ потомствъ стипендій изъ-за предѣльнаго возраста разрѣшился благополучно.

Пріютъ—школа имени Архіепископа Геронима помѣщается въ каменномъ домѣ въ три этажа. Зданіе пріюта построено фундаментально, проведенъ всюду водопроводъ, вентеляція прекрасная. Классы, спальни, корридоры и столовыя—свѣтлыя, высокія. Всюду чистота. Какъ на особенностъ, присущую одному Радочницкому пріюту, можно указать, что въ спальнѣ вмѣсто наръ для каждой ученицы имѣется кровать. Въ цѣляхъ гигиены въ спальныхъ корридорахъ устроены вѣшалки, на которыхъ дѣти передъ отходомъ ко сну вѣшаютъ свое носильное платье.

Школьная жизнь дѣтей Радочницкаго монастыря протекаетъ въ условіяхъ одинаковыхъ съ условіями Лѣсницкаго и Вировскаго монастырей. Въ свободное отъ учебныхъ занятій время старшія ученицы въ числѣ ихъ и братскія стипендіатки, занимаются садоводствомъ и огородничествомъ. Въ монастырской оранжереѣ мы застали школьную дѣвочку старшаго возраста, на обязанности которой лежитъ наблюденіе и уходъ за тепличными растениями. Къ услугамъ дѣтей имѣется большой фруктовый садъ и большая роща, которая окружаетъ по склонамъ горы весь монастырь. Красивое расположеніе монастыря на горѣ, окруженной вѣковымъ паркомъ и сосновымъ лѣсомъ, здоровая мѣстность съ чистымъ воздухомъ—все что, при правильномъ и сытомъ питаніи, содѣйствуютъ физическому развитію дѣтей, здоровый и жизнерадостный видъ которыхъ лучше всего подтверждаетъ справедливость сказаннаго. Приходится искренно пожалѣть, что отдаленность монастыря отъ станціи жел. дор. (80 вер.) служитъ препятствіемъ для помѣщенія въ пріютѣ его братскихъ стипендіатокъ въ большемъ количествѣ. Сожалѣніе усугубляется, когда наблюдаешь то теплое отношеніе къ дѣтямъ воспитательницъ, во главѣ которыхъ стоитъ Матушка, и ту здоровую физически и морально обстановку, въ которой протекаетъ ученіе и воспитаніе 150 питомцевъ, въ числѣ коихъ и братскихъ 16. Особенно приходится цѣнить то, что Матушка Аванасія, близко входя въ интересы школьныхъ дѣтей, обращаетъ особенное вниманіе на тѣхъ питомцевъ, не исключая и братскихъ, которыя по неспособности къ ученію, бѣгаютъ лишены возможности окончить учительскіе курсы. Такія ученицы—неудачницы становятся предметомъ особеннаго попеченія Матушки о нихъ, которая пристраиваетъ ихъ или въ Общину Краснаго Креста или другія мѣста, гдѣ дѣвушка можетъ работать въ обстановкѣ, нисколько не оскорбляющей ея чувства и положенія. Говорю это не голословно, а на основаніи фактовъ, лично мнѣ извѣстныхъ, а Братству по даннымъ отчета.

Съ этого года дальность пріюта отъ станціи ж. д. не такъ ощутительна, такъ какъ отъ ст. Травникъ, Прив. ж. д., и до гор. Замостья установилось автомобильное сообщеніе за сравнительно ничтожную плату (1 р. 50 к.). Теперь на проѣздъ въ пріютъ отъ станціи ж. д. потребуется около 6—8 час. вмѣсто прежнихъ 12—15.

Членъ Дѣлопроизводитель

священникъ А. Субботинъ.

23 мая 1914 г.

г. Варшава.

О Т Д Ъ Л Ъ II.

Воля Царя и народа.

Сейчасъ не до литературы, не до книгъ. Мы стоимъ передъ раскрытой книгой русскихъ судебъ, передъ лицомъ взволнованной міровой жизни въ шумѣ и заревѣ историческихъ дней, историческихъ событій. Что такое „литература” теперь, когда въ окна врываются могучіе раскаты русскаго „ура”, когда народный гимнъ торжественно колыхается надъ всѣмъ Петербургомъ, когда видишь эти песмѣтныя толпы, осѣненные трехцвѣтнымъ знаменемъ, когда все кругомъ слилось въ одномъ чувствѣ и помыслѣ? Книга валится изъ рукъ, литература уходитъ куда-то въ безвѣстныя потемки, и весь внутренній міръ, всѣ запросы духа, все личное и будничное отступаетъ на задній планъ. Одно ощущеніе, одно сознаніе—я—Русскій, и вся моя душа, всѣ мои думы—съ Россіей и о Россіи. Державная воля народа увлекла и покорила гражданскій долгъ, государственнй инстинктъ—это осилило, преодолѣло всѣ инныя влеченія и интересы. И идешь рука объ руку съ чужими, растворяешься въ народной стихіи, отдаешься волнѣ всенароднаго энтузіазма, сродняешься съ толпою, каждымъ нервомъ, каждымъ біеніемъ сердца откликаешься на шумъ народный. Россія заговорила, народъ уже не „безмолвствуетъ”, онъ достойно и властно поднялъ свой стихійный голосъ, онъ единодушно всталъ на стражу всеславянскаго мира. Гдѣ вчерашнія „забастовки”? гдѣ химера „второй революціи”? гдѣ подпольные шептуны? гдѣ наши нестроенія? Все это исчезло, какъ исчезаетъ дымъ отъ лица огня. О, мы еще не знаемъ себя, еще не извѣдали всей глубины русскаго океана. То, что сейчасъ происходитъ по лицу русскаго народа, что такъ потрясло объ столицы—это не менѣе вѣще и таинственно, чѣмъ то, что произошло въ 1812 г. Если тогда русскій народъ проявилъ безпримѣрный патріотизмъ, то въ наши

дни онъ кажетъ изумительную политическую зрѣлость, то въ наши дни онъ несетъ великую національную идею. Обновленная, пробужденная, свободная Россія всколыхнулась во всей силѣ и славѣ своей, зашумѣла миллионами голосовъ, ошестинилась миллионами штыковъ. Во всѣхъ русскихъ сердцахъ, на всѣхъ русскихъ устахъ одно рѣшеніе — „война“, и это не только рѣшимость сверху, но и воля всего народа, всей Россіи отъ Великаго океана до Балтійскаго моря, отъ полярнаго круга до пламенной Колхиды. Впервые правительство опирается на волю и сознание всего народа. Прежде народъ отвѣчалъ на верховные призывы, теперь верховная власть откликается на голосъ народа. Въ Россіи всегда было единеніе Царя и народа, но теперь къ этому священному союзу прибавился новый — единеніе народа и правительства. И это единеніе сознательное, оно прямое слѣдствіе политической зрѣлости народа, громкаго пробужденія въ немъ государственной идеи. Россія сейчасъ подъ знаменіемъ великой гражданственности, она, какъ новый Римъ, изумляетъ міръ своимъ гражданскимъ единодушіемъ, своею государственной цѣльностью. Россія мощна не только необъятностью своей имперской территоріи, не только двухсотмилліонной численностью, но еще больше тѣмъ, что эти 200 милліоновъ сянаны во-едино, скрѣплены неразрывно, воодушевлены единой волей. Мы — не „лоскутная монархія“, не насильственная мозаика народностей, не тѣ науки въ склянкѣ, что копошатся на Западѣ, мы — единый русскій народъ, единый по крови, по вѣрѣ, по исторіи. Безгранична русская, равнина, и оданъ на ней народъ — народъ — хозяинъ, народъ — державный, побѣждающій и сплывающій все инородное только силою своей государственной культуры. Кто много путешествовалъ по Россіи — тотъ подтвердитъ справедливость моихъ словъ, тотъ засвидѣтельствуетъ, какая могучая сила нашъ русскій языкъ, какъ прививается всюду нашъ русскій бытъ, какъ по истинѣ побѣдоносно заливаетъ окраины наша русская культура. И это нетемная, не татарская, не насильническая культура, кто такъ утверждаетъ, — тотъ сознательно лжетъ, нѣтъ, наша культура опирается на прогрессъ и на свободу. Россія нашихъ дней не менѣ Европа, чѣмъ любое западное государство. Но нашъ европеизмъ идетъ рука объ руку съ историческими преданіями, съ вѣрою отцовъ, съ монархической идеей. Идея народнаго представительства, взятая съ Запада, безсознательно отлилась въ формы, берущія преемственное начало отъ Земскаго Собора, отлично ужилась съ монархическимъ порядкомъ и Самодержавіемъ, крѣпко оперлась на русскія основы, вросла въ русскую почву. На историческомъ

фундаментѣ единенія Царя и народа выросла національная идея. Идея эта, сплетаясь съ идеей представительства, выразилась теперь въ величественномъ зрѣлищѣ пробужденія общерусскаго самосознанія. Глубокій незабываемопоучительный смыслъ въ манифестаціяхъ этихъ дней. Тутъ полная реабилитация народныхъ массъ, неопровержимое свидѣтельство полнаго перерожденія Россіи. „Сидѣнье“ Ильи Муромца кончилось, онъ всталъ къ трудамъ и подвигамъ, онъ во всеоружіи мощи и разума, его взоръ свѣтелъ, его воля непоколебима. Но, начавъ дѣло своего обновленія, Россія, не въ примѣръ Европѣ, помнитъ родительское благословеніе, и какъ встарь привязана своей вѣрѣ и своему Царю. И вотъ теперь, когда встала передъ нами угроза войны, когда заговорило въ насъ національное достоинство, — мы прежде всего оскленили себя крестнымъ знаменіемъ и вознесли хвалу нашему Государю. Насъ вдохновляетъ историческое воодушевленіе Православія и Монархизма, и нашъ первый порывъ къ Богу и Царю. Народный гимнъ и молитва за Царя нашъ первый отвѣтъ чужеземной угрозѣ. Нашъ націонализмъ глубоко религіозенъ, нашъ патриотизмъ восанъ съ молокомъ матери. Русь свята, какъ и встарь.

Но передъ нами еще и зрѣлище высокой нравственности, чрезвычайно моральнаго подъема. Только мы, Русскіе, столь правдивы и безкорыстны. У всѣхъ на глазахъ безкорыстная правда нашего всенароднаго волненія. Мы подняли свой голосъ въ защиту младшей сестры — Сербіи, мы вступились во имя челоуѣчности за слабого и униженнаго. И это величественно и свято до слезъ. Никакихъ матеріальныхъ побужденій, никакихъ корыстныхъ взглядовъ, ничего отъ хищничества и насилія, только моральное побужденіе, единодушная воля къ правдѣ и милости. Развѣ не могли бы мы предоставить Сербовъ ихъ участи? Но мы приняли интересы Сербіи; какъ свои собственные; мы вступились за нее, какъ братъ вступается за честь горячо любимой сестры. Но мы не гордимся своей справедливостью, мы только въ новъ говоримъ въ лицо корыстной Европѣ, что мы лишь тамъ, гдѣ правда и обида, что мы не устанемъ защищать униженныхъ и оскорбленныхъ, что мы на стражѣ высшей челоуѣчности и ничего не хотимъ, кромѣ нея. Биржевая, маклацкая политика намъ чужда мы не мѣнялы, не торгоши, но мы не можемъ быть равнодушными къ насилію и неправдѣ. Мы не можемъ спокойно взирать на страданія нашихъ зарубежныхъ братьевъ галичанъ, на униженія братскаго народа — сербовъ, народа молодого, у котораго вся жизнь еще впереди, который только началъ благое дѣло своего національнаго самоопредѣленія. Но защищая и сплывающая родныхъ и

близкихъ, мы дѣйствуемъ какъ изъ побужденій нашей русской морали. Помимо „племенного инстинкта“ у насъ еще сильнѣе говорить это наше вѣковѣчное исканіе правды. Какіе намъ родственники—греки, однако, мы уже сто лѣтъ на стражѣ ихъ интересовъ. Наши Императоры преемственно несутъ эту русскую идею высшей правды, неуклонно являются покровителями всѣхъ угнетенныхъ, охранителями слабыхъ и обижаемыхъ. Русскій Монархъ, прежде всего, рыцарь—о томъ говоритъ намъ нелицемерная исторія, цѣлое столѣтіе рыцарскихъ дѣяній нашихъ Государей. У нихъ это переходитъ отъ отца къ сыну, это въ ихъ благородной царской крови. Правда и милость не сходятъ съ русскаго престола и величаво озираетъ весь міръ. Поэтому и созданъ этотъ трогательный образъ „Вѣлаго Царя“ — олицетвореніе верховной справедливости и неизмѣнной надежды всѣхъ слабыхъ и угнетенныхъ, потому и прилагаетъ народъ къ царю трогательный эпитетъ „надежды“. Какъ было въ старину, такъ и сейчасъ. На улицахъ, на площадяхъ изъ десятковъ тысячъ грудей и сердецъ, летитъ возгласъ: „Да здравствуетъ Государь Императоръ“, и ему отвѣчаетъ громоподобное „ура“, буря всенародной любви, всенароднаго восторга. Гдѣ память о Царѣ—тамъ и народное благоговѣніе. У памятника Александру III несмѣтная толпа народа въ эти дни преклоняютъ колѣни, высоко поднятый портретъ нашего обожаемаго Государя вызываетъ въ народной толпѣ тотъ неописуемый подъемъ духа, когда гордость и восторгъ сливаются съ умиленіемъ и благоговѣніемъ, когда на всѣхъ лицахъ слезы и безграничное счастье. Я былъ въ такой толпѣ, я отдавался этому стихійному счастью, я всѣмъ сердцемъ извѣдалъ обаяніе лица и имени Государя. Царь—вотъ, что единственно властно надъ русскимъ человѣкомъ, надъ всѣми его думами и желаніями, Царь—вотъ, что единственно куетъ и творитъ народную волю, наше единодушіе, нашу рѣшимость. Веди насъ Державный Вождь, мы въ Твоей десницѣ, мы свято исполнимъ Твою верховную волю. Воля Царя — воля народа, Онъ, Помазанникъ Божій, наше возглавіе, нашъ верховный символъ, наша русская идея, Онъ несетъ въ себѣ начало и завершеніе всего, что дано начать и завершить намъ. Да, да, полное единеніе Царя и народа, и это только у насъ, и больше нигдѣ. Гдѣ, въ какой странѣ, у какого народа такая цѣлокупность, такая всемѣрность національнаго бытія? И если мы не гордимся нашимъ даромъ къ правдѣ и совѣсти,—возгордимся мощью нашего національнаго единства, нашимъ Царемъ и нашей вѣрностью Царю. И еще—возгордимся тѣмъ, что мы—Русскіе, что вскормила насъ щедрая, неоглядная русская земля, что выросла на ней безпримѣрная Имперія, что идетъ наше раздольное царство къ свѣтлому и славному

будущему. Оглянитесь — вотъ она „въ красѣ царственной развернулася“, раскинулася, размѣталась величаво во всѣ стороны, наша Родина, наша Россія. Какъ обольстительно громадно это зрѣлище, какъ очаровываетъ наша русская безпредѣльность. Какой просторъ дѣлъ и подвиговъ, сколько красныхъ угловъ для друзей и сугробовъ для недруговъ. И какая власть надъ взоромъ и сердцемъ, власть безъ прекословья, раздумья и оглядки. Передъ величавымъ обаяніемъ Руси всякое сердце смирится, всякая дума склонится покорно. Какое счастье—я—Русскій, и все это—мое, и все это во мнѣ! Сильна и богата моя Родина, она растетъ, развивается, зрѣетъ, создаетъ великую культуру, зацвѣтаетъ новыми силами, изумляетъ тайнами и богатствами.

Ужъ и есть за что,	Стать за честь твою
Русь могучая,	Противъ недруга,
Полюбить тебя,	За тебя въ нуждѣ
Назвать матерью,	Сложить голову.

И вотъ теперь пришла эта „нужда“, пришли дни великаго испытанія и рѣшенія судебъ. Но мы не спали, мы смѣло встали за свое русское достоинство и еще смѣлѣе глядимъ въ лицо всѣмъ бѣдамъ и напастямъ. Насъ ничто и никто не испугаетъ. Ибо, гордись и охраняя свою честь, мы не забываемъ Высшаго Прибѣжища — милости Божіей. Съ молитвой мы выходимъ на полѣ брани, съ молитвой мы отдадимъ нашу жизнь за Царя и Россію. Съ нами Богъ! (Новое Время).

А. Бурнакинъ.

Митрополитъ Леонтій въ своихъ замѣткахъ и воспоминаніяхъ.

Продолженіе *).

Жизнь въ Семинаріи.

Въ 1837 году Владыка Леонтій изъ Павловскаго духовнаго училища поступилъ въ Воронежскую семинарію. Всѣмъ ученикамъ училища, поступавшимъ въ семинарію, въ то время производилось повѣрочное испытаніе, очень строгое. Владыка Леонтій поступилъ въ I-ое низшее отдѣленіе семинаріи или въ классъ словесности первымъ ученикомъ и въ первое же время ученія зарекомендовалъ себя съ лучшей стороны. Главнымъ предметомъ въ низшемъ отдѣленіи считалась риторика или словесность. Преподавателемъ ея, или профессоромъ попрежнему, былъ М. А. Снѣжкинскій. Въ самомъ началѣ ученія онъ далъ ученикамъ предложеніе для сочиненія такое: „Мысли и чувствованія при вступленіи въ классъ словесности“. Сочиненіе Владыки Леонтія вышло лучшее и прочитано было профессоромъ въ классѣ.

Очень интересны и въ педагогическомъ отношеніи весьма поучительны воспоминанія и замѣчанія Высокопреосвященнаго Леонтія о постановкѣ преподаванія словесности въ его время.

*) См. № 14.

„Словесность мы изучали по Бургію на латинскомъ языкѣ съ объясненіями и дополненіями на русскомъ. Снѣжинскій преподавалъ ее намъ отлично, и съ высокимъ усердіемъ, приспособляясь къ понятіямъ учениковъ, и не скучая малопонятливостью слабыхъ. Примѣры на разныя риторическія правила и на такъ называемые *loci topici* наставникъ избиралъ изъ 7 лучшихъ русскихъ авторовъ духовныхъ и свѣтскихъ въ большомъ количествѣ, и мы изучали ихъ наизусть. Это приносило большую пользу, приучая учениковъ къ изящнымъ оборотамъ рѣчи, и свободѣ языка. Строгое разграниченіе періодовъ и хриій съ примѣрами приучало насъ къ логическому построенію рѣчи, а *loci forici* и источники изобрѣтенія на вопросы: *cum, quomodo, quando, quibus auxiliis* и проч. обогащали мыслями — сонныя головы. Это была хорошая гимнастика для ума. Скажутъ: это схоластика? Пусть такъ; однакожь она для насъ вовсе не была скучна; все зависитъ отъ метода преподаванія. Сочиненія на данныя темы мы писали еженедѣльно, а иногда экспромтомъ въ классѣ”.

Эти парадоксальныя на первый взглядъ замѣчанія, помимо своего живого интереса, важны именно для нашего времени и для современной педагогики. Если бы въ данное время, въ какомъ бы то ни было учебномъ заведеніи, — свѣтскомъ или духовномъ, кто-либо изъ преподавателей вздумалъ бы обучать русскому языку такими риторическими, схоластическими приемами, онъ не только не возбудилъ бы никакого интереса, но, безъ сомнѣнія, заслужилъ бы репутаціи выжившаго изъ ума чудака. А между тѣмъ, при живомъ руководствѣ талантливаго преподавателя, эта схоластика вовсе не была скучна: она приучала учениковъ къ изящнымъ оборотамъ рѣчи и свободѣ языка, обогащала мыслями даже сонныя головы. И такое вліяніе имѣло это сухое по формѣ, схоластическое преподаваніе, потому что оно ведено было *отлично, съ высокимъ усердіемъ, приспособительно къ понятіямъ учениковъ*, — иными словами, мастерски и талантливо. „Все зависитъ отъ метода преподаванія” — справедливо замѣчаетъ Владыка Леонтій, — не отъ того метода или вѣрнѣе методики, которую изучаютъ въ школахъ и которой обучаютъ начинающихъ преподавателей на разнаго рода безъ мѣры расплодившихся въ послѣднее время подготовительныхъ курсахъ, а отъ метода, вырабатываемого самими преподавателями, отъ личнаго умѣнья и даровитости преподавателя. Никогда, повидимому, не прилагалось столько заботъ къ усовершенствованію постановки преподаванія учебныхъ предметовъ, какъ въ данное время. Курсы и съѣзды преподавателей по разнымъ предметамъ, широкія, возможно исчерпывающія программы, до осязательности наглядныя приемы преподаванія, руководства и пособія, наилучше приспособленныя къ пониманію и возрасту учащихся, — все это служитъ предметомъ особеннаго, исключительнаго вниманія въ настоящее время. И однакоже, при всемъ этомъ богатствѣ вспомогательныхъ средствъ преподаванія, результаты его, если не совсемъ печальны, то, по общему признанію, значительно ниже, чѣмъ какихъ слѣдовало бы ожидать. Очевидно, успѣхъ преподаванія зависитъ не столько отъ внѣшнихъ условій и отъ богатства внѣшней его обстановки, сколько отъ личности преподавателя, отъ его даровитости и умѣнья. И въ наше время нужно преимущественно заботиться не о расширеніи про-

граммъ преподаванія и не объ изысканіи только технически-совершенныхъ приемовъ преподаванія, а о томъ, чтобы самое важное и необходимое въ содержаніи каждаго учебнаго предмета преподавалось толково и разумно, съ яснымъ и отчетливымъ пониманіемъ дѣла. Нужны не натасканные на краткосрочныхъ курсахъ техники, а образованные и искусные мастера дѣла. Дѣльный и умный преподаватель не нуждается въ подробныхъ методическихъ и дидактическихъ указаніяхъ, заурядный же и въ особенности бездарный и испытанные, дѣйствительно надежные методы легко можетъ обратить или въ карикатуру или же въ пытку для учениковъ. И чѣмъ шире программы, чѣмъ совершеннѣе выработанные коллективнымъ опытомъ приемы преподаванія, тѣмъ съ большимъ разборомъ и вниманіемъ нужно относиться къ выбору преподавателей.

Насколько основательно поставлено было преподаваніе словесности въ низшемъ отдѣленіи семинаріи, настолько же серьезно, съ увлеченіемъ и искусствомъ, преподавалась философія въ среднемъ отдѣленіи или философскомъ классѣ. „Въ философскомъ классѣ, рассказываетъ Владыка Леонтій, въ семинаріи нашей было два отдѣленія. Я поступилъ 1-ымъ ученикомъ въ первое отдѣленіе. Профессоромъ философіи у насъ былъ И. П. Некрасовъ. Философія читалась въ полномъ объемѣ. Учебною книгою было руководство Баумейстера; но его мало держались; выдавались записки, частію на латинскомъ, частію на русскомъ языкѣ. Записки эти копировались изъ академическихъ лекцій. Преподаваніе шло на русскомъ языкѣ, рѣдко на латинскомъ, такъ какъ не всѣ ученики могли понимать сознательно латинскую рѣчь. Сочиненія писали по очереди то на русскомъ, то на латинскомъ. И. П. Некрасовъ преподавалъ съ увлеченіемъ, съ академическими замашками, обладалъ искусствомъ излагать предметъ ясно и обстоятельно, хотя не глубоко. Особенно хорошо говорилъ онъ нѣсколько лекцій о безсмертіи души”.

Какъ въ преподаваніи словесности много времени удѣлялось изученію и даже заучиванію наизусть образцовыхъ произведеній духовныхъ и свѣтскихъ писателей, такъ и при изученіи философіи считалось необходимымъ, по крайней мѣрѣ для лучшихъ учениковъ, знакомство съ первоисточниками, — подлинными произведеніями философовъ. По словамъ Владыки Леонтія „лучшіе ученики читали много для уясненія философскихъ вопросовъ. Я не поверхностно, въ подлинникъ ознакомился съ Лессингомъ, Кантомъ, Карне, не говоря уже о Баумейстерѣ, который намъ надоѣлъ своею схоластичностью. Я имѣлъ случай прочитать лекціи знаменитаго Э. А. Голубинскаго по онтологіи и метафизикѣ, — онъ много мнѣ далъ разъясненія философскихъ вопросовъ. Читалъ впоследствии книгу „О конечныхъ причинахъ”, — я многое припомнилъ изъ читаннаго въ рукописи”.

Такая серьезная постановка преподаванія философіи, несомнѣнно, должна быть признана большимъ достоинствомъ старой духовной школы. Въ духовной школѣ нашего времени ничего подобнаго нѣтъ, какъ не было уже лѣтъ двадцать, тридцать тому назадъ. Въ наше время не только въ семинаріяхъ, но и въ Академіяхъ студенты не читаютъ философскихъ произведеній и не только въ подлинникъ, но и въ переводахъ. Въ Академіяхъ лишь специально изучающіе философію знакомятся съ подлинными произведеніями

философовъ. Остальные, даже лучшіе студенты до-вольствуются готовыми изложениями философскихъ системъ въ курсахъ исторіи философіи и рѣдко въ монографіяхъ. Насколько старая школа серьезностью и солидностью постановки преподаванія превосходила новую! И польза отъ такого основательнаго преподаванія была не малая. „Преподаваніе философіи въ христіанскомъ духѣ, какъ то велось въ семинаріяхъ, было весьма полезно, по свидѣтельству Владыки Леонтія, не только для развитія умственнаго, но и для твердости религіозныхъ убѣжденій. Въ наше время немислимо было вольнодумство антирелигіозное, которымъ заражались въ новѣйшее время, къ крайнему сожалѣнію, и духовноучебныя заведенія“. Не слѣдовало бы въ современной духовной школѣ возстановить добрые порядки старой школы, — также серьезно поставить преподаваніе философіи, словесности и другихъ общеобразовательныхъ предметовъ?

„Въ Богословскомъ классѣ въ семинаріи — продолжаетъ свои воспоминанія Владыка Леонтій—было два отдѣленія. Главнымъ профессоромъ въ 1-мъ отдѣленіи былъ ректоръ, читавшій основное богословіе и догматику; во 2-мъ инспекторъ (о. Митрофанъ), преподававшій тѣже предметы. Ректоръ - архим. Елпидифоръ излагалъ свои уроки превосходно, ясно, отчетливо, логично. Но онъ былъ ректоромъ только до конца 1841 г. Назначенный викаріемъ Воронежскимъ, онъ отбылъ въ С.-Петербургъ для хиротоніи, и возвратившись епископомъ поселился въ Алексѣевскомъ Акатовомъ монастырѣ. При прощаніи съ нимъ въ семинарской залѣ учениковъ,—я говорилъ рѣчь; а потомъ, при поздравленіи съ саномъ Епископа въ Акатовомъ монастырѣ, я также говорилъ рѣчь въ присутствіи массы публики. Елпидифоръ оставилъ по себѣ отличную память, какъ ректоръ и профессоръ. При немъ въ семинаріи былъ строгій порядокъ, и она находилась, можно сказать, въ цвѣтушемъ состояніи“.

„Послѣ Елпидифора назначенъ былъ ректоромъ архимандритъ Стефанъ Зелятровъ; ректорствовалъ недолго; мы мало его и видѣли; по болѣзни онъ уволился въ какой-то монастырь, уже въ параличномъ состояніи. И весь почти 1843-ій учебный годъ исправлялъ должность ректора инспекторъ о. Митрофанъ (М. А. Снѣжинскій). На уроки догматическаго и нравственнаго богословія оба отдѣленія собирались вмѣстѣ до самаго окончанія курса. О. Митрофанъ, отличный наставникъ по словесности, какъ профессоръ богословія оказался не вполне удовлетворительнымъ, можетъ быть, по новости для него предмета. Первый годъ въ богословскомъ классѣ мы изучали догматику на латинскомъ языкѣ по руководству Теофилакта, а на второй годъ, по преобразованіи, онъ былъ оставленъ для изученія, и лекціи читались и изучались по - русски, къ общей радости учениковъ“.

Владыка Леонтій приводитъ и другой примѣръ того, какъ умный и образованный преподаватель, приставленный не къ своему дѣлу, велъ это дѣло и неохотно и неумѣло, часто попадая въ затруднительное и смѣшное положеніе. „Математику и библейскую исторію читалъ для обоихъ отдѣленій философскихъ И. А. Мишинъ. Математику онъ самъ зналъ очель плохо; читалъ по Сержинскому, а когда не приготовился, просто списывалъ изъ него на доску. Какое же онъ могъ сообщить намъ знаніе? Сами

доискивались — х. Однакожъ Мишинъ былъ умный человекъ, только не по математикѣ. Съ здравымъ умомъ онъ соединялъ и глубокомысліе; прекрасно писалъ и говорилъ проповѣди, былъ богословъ, а ему дали математику и греческій языкъ, а въ придачу еще—библейскую исторію. Послѣднюю онъ анализировалъ съ охотою и углубленіемъ; но по своей мѣшкватости и неповоротливости часто съ трудомъ устно изъяснялся. Смѣшная исторія мнѣ припоминается, которую расскажу не въ осужденіе покойнаго Ивана Александровича. Какъ - то разъ приходитъ въ нашъ классъ о. ректоръ на урокъ Мишина по библейской исторіи. Рѣчь шла о Ноевомъ Ковчегѣ. Ректоръ сѣлъ за парту и сказалъ: „Продолжайте Ив. Александровичъ!“ Смѣшался наставникъ, сробѣлъ и началъ повторять: „Ковчегъ, ковчегъ, ковчегъ былъ четверугольный, ну какъ нашъ корпусъ“, и далѣе не могъ продолжать. Ректоръ и ученики конечно разсмѣялись, и концертъ вышелъ и забавный и жалкій. Ректоръ всталъ, обращаясь къ намъ, и сказалъ полусмѣясь: „Ну занимайтесь: руководство у васъ по библейской исторіи (Филарета) хорошее“. По уходѣ ректора, Мишинъ оправился, и съ гнѣвомъ началъ рѣзко о немъ говорить: „Вишь пришелъ экзаменовывать меня; что тутъ смѣшного?“ Обращаясь ко мнѣ, въ волненіи спрашивалъ: „Ну, г. Лебединскій скажите: что тутъ смѣшного? Велика фря—ректоръ, вѣдь и я учился въ Академіи“. Не могло это конечно скрыться отъ Елпидифора, и онъ, какъ говорили, далъ ему порядочную нагонку. Преподавая Мишинъ на примѣръ Гомилетику, — иное дѣло; онъ былъ бы прекраснымъ учителемъ“.

Въ одномъ отношеніи школа духовная всегда была на приблизительно одинаковомъ уровнѣ неудовлетворительности, возбуждавшей часто острое недовольство воспитанниковъ,—въ отношеніи матеріальнаго содержанія. Скучность этого содержанія отмѣчаетъ и Владыка Леонтій, отмѣчаетъ, впрочемъ, какъ фактъ, безъ ропота, даже съ свойственнымъ ему благодушіемъ. „Въ семинаріи, рассказываетъ Владыка Леонтій, я жилъ на казенномъ содержаніи, какъ сирота, и пользовался удобствомъ для занятій болѣе другихъ, имѣя особую комнату, какъ старшій надъ пѣвчими. Хоръ былъ у насъ замѣчательный подъ управленіемъ регента Федотова, артиста и поэта по душѣ. Мальчики жили отдѣльно отъ большихъ; они ходили въ училище; я рещетировалъ ихъ и смотрѣлъ за поведеніемъ. Должность эту занялъ я неохотно по настоянію ректора Елпидифора. Содержаніе казеннокоштныхъ учениковъ, а ихъ было мало, было посредственное; частенько бурсаки жаловались на пищу, —но вѣдь тогда очень мало отпускалось на содержаніе. Съ чего же было роскошествовать? Конечно экономъ (тогда былъ нѣкій Донской, вмѣстѣ преподаватель семинаріи) не забывалъ себя. Можно было жаловаться на неаккуратное приготовленіе пищи. Разъ, помню, на ужинѣ въ греченовой кашѣ попало стекло верхка въ два, и Богъ меня спасъ, что не проглотилъ его съ кашею, хотя обрѣзалъ языкъ и губы. Наши жалобы тогда на столовую оставались безъ вниманія экономомъ, развѣ когда ректоръ замѣтитъ ему. Кстати сказать, что не слѣдуетъ никогда должности эконома возлагать на наставниковъ, какъ впоследствии и введено“.

Заканчивая замѣтки о жизни своей въ семинаріи, Владыка Леонтій съ чувствомъ благоговѣнія и любви

вспоминаетъ тогдашняго Архіепископа Воронежскаго Антонія, своею праведною жизнію оставившаго самую добрую память въ православномъ населеніи Воронежскаго края и доселѣ свято чтимаго Воронежцами. „Окончилъ я курсъ семинаріи въ 1843 г. и назначенъ, быть для поступленія въ С.-Петербургскую Духовную Академію. Предъ отправленіемъ въ Академію и. д. ректора, соборный іером. Митрофанъ повелъ меня на благословеніе въ Троицкій-загородный архіерейскій домъ. Блаженной памяти Архіепископъ Антоній обласкалъ меня и благословилъ съ отеческою любовію. Не могу не сказать нѣсколько словъ здѣсь объ этомъ замѣчательномъ Архіепископѣ, вспоминая о немъ съ благоговѣйнымъ уваженіемъ. Это былъ мужъ святой жизни, сановитый, представительный, хотя и не высокаго роста; фізіономія его была серьезная, но пріятная, борода длинная, глаза пронизательные, голосъ ясный съ малороссійскимъ акцентомъ; служилъ онъ очень торжественно и внушительно, доброта его выражалась любовью къ сиротамъ и милосердіемъ вообще къ бѣднымъ. Промыслъ Божій его, а не кого другого, избралъ орудіемъ прославленія мощей Св. Митрофана (1832 г.) и подготовителемъ къ открытію мощей Св. Тихона Задонскаго, Мощи послѣдняго открыто прославлены, какъ извѣстно, 1861 г. Августа 13. Но еще въ 1846 г. Архіепископъ Антоній доложилъ Св. Синоду о нетлѣннй ихъ, оказавшемся по случаю исправленія Задонскаго Собора“.

„Неоднократно приходилось мнѣ, по чазначенію, говорить поздравительныя и привѣтственныя рѣчи блаженной памяти Архіепископу Антонію. На послѣднемъ публичномъ экзаменѣ 1843 г. я читалъ съ каеэды свое сочиненіе о важности изученія Св. Отцовъ Церкви для богослова,—и потомъ въ заключеніе акта произносилъ рѣчь изустную. Сочиненіе мое Архіепископъ потребовалъ къ себѣ, и очень доволенъ остался его содержаніемъ. Рѣчь мнѣ удалось сказать съ чувствомъ, и она, какъ видно было, и на Архипастыря произвела впечатлѣніе, выразившееся въ лицѣ и глазахъ его. Онъ благодарилъ меня, благословилъ и положилъ руки на мою голову. Это была минута трогательная и для меня незабвенная. При послѣднемъ прощаніи онъ сказалъ мнѣ: „Не ищи славы, слава сама насъ сыщеть“.—Этимъ и окончился послѣдній актъ моего образованія въ семинаріи“.

Жизнь въ Академіи.

Въ 1843 г. Владыка Леонтій поступилъ въ С.-Петербургскую Духовную Академію на казенный счетъ. Въ то время поступающіе въ Академію подвергались очень строгимъ экзаменамъ и не по нѣкоторымъ только избраннымъ предметамъ, какъ въ настоящее время, а по всѣмъ предметамъ, въ семинарскомъ аттестатѣ означеннымъ. Кромѣ устныхъ отвѣтовъ писали два сочиненія на русскомъ и латинскомъ языкахъ. Владыкѣ Леонтію удалось выдержать пріемный экзаменъ по всѣмъ предметамъ вполне удовлетворительно какъ немногимъ. Правленію Воронежской семинаріи отъ Академіи послана была благодарность за вполне удовлетворительное приготовленіе студента Лебединскаго къ Академіи.

Во время ученія Владыки Леонтія въ Петербургской Духовной Академіи ректоромъ былъ Ава-

насій, епископъ Винницкій (до марта 1847 г.), а затѣмъ Евсеvій, тоже въ санѣ епископа. „Преосвященный Аванасій очень усердно заботился объ улучшеніи внѣшняго быта Академіи и студентовъ. При немъ отдѣлены студенческія спальни отъ занятныхъ комнатъ; введена вездѣ безукоризненная чистота, улучшена пища и одежда студентовъ, введенъ во всемъ самый строгій внѣшній порядокъ, во всемъ — до мелочности, начиная съ урочной стрижки волосъ и бритья усовъ и бородъ. Мы, пріѣзжіе новички, очень тяготились по началу такими порядками, черезъ чуръ ужъ похожими на солдатскіе. Послѣ свыклись, и они принесли намъ пользу, пріучивъ насъ къ аккуратности и въ дальнѣйшей, послѣ — академической жизни. Преосвященный Аванасій дѣйствовалъ по плану графа Протасова и былъ ревностнымъ исполнителемъ затѣи его при содѣйствіи Карасевскаго, бывшаго директоромъ Д.—Учебнаго Управленія. Самъ ректоръ очень часто посѣщалъ классы, столовую, спальни и нерѣдко—занятные номера. Любилъ Аванасій все дѣлать съ шикомъ, напоказъ. Когда бывало, идетъ онъ по номерамъ, впереди его бѣжитъ экономъ (Ростиславовъ—профессоръ), зади—инспекторъ, помощники — цѣлая свита. Такое церемоніальное шествіе производило эффектъ, вовсе непріятный для студентовъ, которые любили заниматься дѣломъ — не напоказъ“. Преосвященный Аванасій былъ въ своемъ родѣ замѣчательною личностію. Прекрасно образованный, обладая большими свѣдѣніями въ разныхъ наукахъ, онъ совершенно лишенъ былъ всякой способности къ творчеству и изъ своихъ обширныхъ познаній не могъ поэтому сдѣлать надлежащаго употребленія. „Нельзя не отдать честь познаніямъ преосвященнаго Аванасія; это была —живая энциклопедія; онъ превосходно зналъ и древніе и новѣйшіе языки, исторію, Св. Писаніе, философію, физику и проч. Читалъ много и умѣлъ похвастаться своими познаніями, которыя удивляли слушавшихъ его. Но, при громаднхъ своихъ познаніяхъ, онъ не сосредоточивался ни на чемъ и не создалъ ровно ничего ни по одной наукѣ. Къ изумленію, онъ, считавшійся знатокомъ всего, не могъ самъ быть основательнымъ профессоромъ и написать дѣльной проповѣди. Въ нашъ курсъ онъ ничего уже не преподавалъ, а въ предыдущій взялся было преподавать Св. Писаніе; но послѣ нѣсколькихъ лекцій о посланіяхъ ап. Павла къ Римлянамъ и Коринѣянамъ, бросилъ преподаваніе. Когда скончался митрополитъ Тимофей Петербургскій, ему поручено было написать проповѣдь, и онъ суетился много, и заболѣлъ, не былъ даже на погребеніи. Если бы преосвященный Аванасій сумѣлъ воспользоваться своими познаніями, какъ должно, великую бы принесъ пользу наукѣ. Жаль, очень жаль, что магазинъ познаній, которымъ владѣлъ преосвященный Аванасій, остался безъ приложенія къ письменнымъ трудамъ его, и послѣ этотъ блестящій фейерверкъ потухъ незамѣтно въ Астрахани“.

„Преемникомъ Аванасія, назначеннаго Епископомъ въ Саратовъ, поступилъ въ нашу Академію изъ Московской архимандритъ, а вскорѣ Епископъ, тоже Винницкій, Евсеvій. При немъ мы и окончили курсъ академическій. Евсеvій былъ человекъ скромный, тихій, добросердечный, хотя по характеру не твердый. Свою ученость онъ показалъ въ многихъ

своихъ трудахъ, напечатанныхъ и отдѣльными книжками, и статьями въ журналѣ „Творенія Св. Отцовъ“, издаваемомъ доселѣ при Московской Духовной Академіи. Его всѣ любили, и студенты и профессора за благожелательность и общительность. Предмета никакого, уже по заведенному обычаю, онъ не читалъ; но для обоихъ отдѣленій Академіи взялъ одинъ классъ въ недѣлю, который мы и прозвали классомъ духовнаго общенія. Собирались мы всѣ въ актовую залу и слушали его чтеніе съ умными объясненіями книги его же о христіанскомъ воспитаніи дѣтей. Любилъ онъ при посѣщеніи студентовъ во время вечернихъ занятій въ номерахъ бесѣдовать съ ними, особенно по философіи, которую онъ самъ когда-то читалъ въ Московской семинаріи. Много онъ выносилъ непріятностей въ Академіи по разнымъ интригамъ; но самъ былъ чистая, прекрасная душа”.

Инспекторомъ Петербургской Академіи во время обученія въ ней Владыки Леонтія былъ сначала, въ теченіе года, архимандритъ Іоасафъ, по отзыву Владыки, „прекрасный человекъ по характеру, но оказавшійся малоспособнымъ къ инспекторству“, а затѣмъ, до окончанія курса, архимандритъ Макарій (впоследствии извѣстный митрополитъ Московскій). „Макаріи, по свидѣтельству Владыки Леонтія, любилъ кабинетныя ученія занятія, и къ инспекціи относился не горячо, можно сказать, только формально. Каждую среду вечеромъ онъ посѣщалъ въ №№ студентовъ, останавливаясь въ каждомъ № для бесѣды на нѣсколько минутъ. Въ столовую и спальни онъ рѣдко заглядывалъ; на то были помощники, строго соблюдавшіе правила инструкціи. Къ студентамъ онъ относился вѣжливо, но формально, и мало занимался вниканіемъ во внутреннее ихъ настроеніе. Инспекція велась вообще строго формально; случалось, что иногда изъ-за пустяковъ дѣлали цѣлую исторію. Такая мелочность иногда отзывалась на нѣкоторыхъ студентахъ очень грустными послѣдствіями, хотя послѣ они были вовсе недурны. О грубости или противорѣчій начальству у насъ и рѣчи быть не могло. Отпуски въ городъ давались въ воскресные и праздничные дни послѣ обѣда только до 8 часовъ вечера по предварительной запискѣ въ книгу, гдѣ обозначалось, куда и къ кому студентъ идетъ, и по билету. Съ этимъ билетомъ каждый, возвратившись изъ города, являлся къ инспектору (и очень рѣдко къ помощнику), который лично отбиралъ билетикъ. Малѣйшій запахъ вина или пива, или табаку, подвергалъ студента остракизму. Пьянство у насъ было немислимо. Каждый вечеръ послѣ ужина въ 9-мъ часу всѣ старшіе являлись вмѣстѣ къ инспектору съ устными рапортами. Большею частью это была прогулка взадъ и впередъ, ограничивавшаяся нѣсколькими минутами. „Все ли исправно?“ обычный вопросъ инспектора, — „все“ — отвѣтъ; „ну и съ Богомъ“. Но случались и не разъ аудіенціи непріятныя. По какому либо казусу инспекторъ разгорячится, а онъ (Макаріи) былъ вспыльчивъ, — и мы выслушиваемъ грозную рѣчь. Изъ-за пищи очень рѣдко бывали пререканія; ибо столъ давали намъ хорошій вообще. Будь при современной намъ въ Академіи формальности у начальства больше души, сердечности и участливости въ положеніи студентовъ, жизнь въ Академіи была бы гораздо пріятнѣе. Впрочемъ, спасибо и за то, что мы видѣли и испытали. Всякое время имѣетъ свои особенности. При общей настроенности во времена императора Николая — она не могла не отразиться и въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ”.

Помощниками инспектора состояли бакалавры — тогда іеромонахъ Теофанъ и іеромонахъ Іоаннъ. О. Теофанъ (впоследствии Вышенскій затворникъ) уже въ то время обращалъ на себя вниманіе высокою своего аскетическаго настроенія и жизни и, по словамъ Владыки Леонтія, „былъ подвижникъ и воплощенная кротость”.

Изъ профессоровъ Академіи Владыка Леонтіи съ особенною теплотою отзывался объ очень извѣстномъ въ свое время, выдающемся профессорѣ философіи Карповѣ. „Въ низшемъ отдѣленіи Академіи первоначально преподавалъ намъ философію профессоръ Карповъ. Въ наше время ему уже было подлѣ 50 л.; но сила его ума и энергическаго чтенія, хотя и не всегда, проявлялась еще въ высокой степени. Въ предшествующихъ курсахъ, когда онъ былъ еще молодъ, онъ увлекалъ слушателей своими лекціями. Въ 1843 г. онъ находился подлѣ гнетомъ ректора Аѳанасія за какое-то якобы вольнодумство (совершенно мнимое) и потому замѣтнымъ казалось и для насъ въ немъ меланхолическое настроеніе. Философію онъ зналъ превосходно; въ первую треть онъ читалъ намъ психологію весьма занимательно, умно и живо вообще. Нѣкоторые особенные свои взгляды онъ оправдывалъ документально. Когда онъ увлекался, любо было смотрѣть на заслуженнаго профессора, а еще пріятнѣе слушать его. Но недолго пришлось намъ слушать Карпова по философіи. Въ 1844 г. ему поручено было читать исторію философіи по настоянію ректора. И эту науку онъ преподавалъ по своему методу отлично, и выдавалъ записки вполне удовлетворительныя. Виденъ вездѣ мастеръ дѣла. Приходилось много трудиться профессору по новому предмету. И видно было, что онъ съ сожалѣніемъ расстаётся съ прежнимъ предметомъ. Впрочемъ, кому изъ ученыхъ неизвѣстенъ Карповъ, превосходный переводчикъ Платона, авторъ введенія въ философію? Впоследствии, говорятъ, и онъ сдѣлался вяль и забывчивъ, и надъ нимъ посмѣивались студенты. Карповъ былъ мыслитель сосредоточенный, весь погруженный въ дѣло, если онъ занимался имъ. Отсюда происходили и нѣкоторые забавные случаи. Помню, когда я былъ уже викаріемъ Петербургскимъ, однажды гуляя утромъ часу въ 12-мъ по Лаврской панели, встрѣчаю Василія Николаевича съ портфелемъ безъ шляпы. „Куда Вы В. Н.“? — „Въ классъ“. — А гдѣ же ваша шляпа?“ — „Ахъ, Боже мой, забылъ дома“. Пришлось воротиться на квартиру, которая находилась близъ Лавры нашей. Студентомъ я хаживалъ къ Карпову частенько, то за книгами (онъ же былъ и библіотекаремъ), то для бесѣды, какъ землякъ его, и лучшій по его предмету. Бесѣды его чрезвычайно были занимательны и поучительны. Всѣ прочіе наставники, вышедшіе изъ нашей Академіи, были его учениками и относились къ нему съ особеннымъ уваженіемъ”.

Съ грустью Владыка Леонтіи говоритъ о томъ, что этотъ выдающійся мыслитель, по капризу ректора Аѳанасія, замѣненъ былъ совершенно зауряднымъ человекомъ, директоромъ Ларинской гимназіи, нѣкимъ А. А. Фишеромъ, читавшимъ философскія науки по нѣмецкимъ руководствамъ, притомъ дурно переведеннымъ. Создавалось, по замѣчанію Владыки, такое положеніе, что въ Академіи студенты „должны были изучать то, что въ семинаріи гораздо лучше преподавалось”. „Увы, прибавляетъ Владыка Леонтіи, когда личность замѣщается въ дѣло, наука страдаетъ. Погрѣшилъ много Аѳанасій противъ Карпова, и уронилъ философію, избравши Фишера, который былъ

хорошимъ директоромъ гимназіи и плохимъ профессоромъ философіи”.

Достойна вниманія правдивая характеристика профессора математики и физики Ростиславова, прославившагося въ свое время надѣлавшею много шуму книгою о бѣломъ и черномъ духовенствѣ. „Математику и физику преподавалъ профессоръ Ростиславовъ вполне удовлетворительно, а физику—и занимательно. Лекціи его были, можно сказать, популярны, и онъ старался о томъ, чтобы каждый студентъ зналъ дѣло. Физическій кабинетъ въ Академіи былъ полный, соответствующій современнымъ требованіямъ науки. Какъ профессора мы его уважали, и пожалуй, любили; но какъ человѣка не подлюбили за его характеръ, колкій часто и насмѣшливы. Онъ же былъ довольно долгое время и при насъ экономомъ, и тутъ же его ѣдка иронія проявлялась въ столкновенияхъ со студентами, хотя изъ себя онъ никогда не выходилъ, не горячился. Онъ же въ каникулы большею частью и должность инспектора исправлялъ,—и тутъ-то уже онъ обнаруживалъ свою придирчивость къ пустякамъ неумѣстную и злостную. Самъ я не испытывалъ ее, но видѣлъ на опытѣ другихъ. Одѣвался онъ мизерно и неряшливо какъ-то. Нерасположеніе свое къ монашеству выражалъ при каждомъ удобномъ случаѣ разными насмѣшками; между тѣмъ предъ ректоромъ льстилъ и корчилъ изъ себя смиренника. По его интригѣ, чтобы не сказать подлой низости, о. Теофанъ, бакалавръ и помощникъ инспектора, впалъ въ немилость у преосвященнаго Аѳанасія, и долженъ былъ оставить Академію и уѣхать въ Иерусалимскую миссію, тогда какъ онъ ни въ чемъ неповиненъ и чистъ какъ голубь. Впоследствии, уже въ отставкѣ, онъ въ своихъ статьяхъ, помѣщенныхъ въ „Вѣстникъ Европы“, несомнѣнно интересныхъ, а особенно въ громадной книгѣ о бѣломъ и черномъ духовенствѣ, напечатанной за границей, много излилъ желчи и не пощадилъ черныхъ красокъ въ отношеніи и лицъ, которыя ему благодѣтельствовали и предъ которыми въ свое время онъ изгибался. Жаль, что этотъ человѣкъ, безспорно талантливый профессоръ, старый холостякъ—сдѣлался мизантропомъ, смотрѣвшимъ на людей критически, мрачно”.

Нельзя пройти молчаніемъ воспоминаній и отзывовъ Владыки Леонтія о профессорской дѣятельности такихъ впоследствии замѣчательныхъ ученыхъ и писателей, какими были митрополитъ Московскій Макарій, преосвященный Теофанъ, Вышенскій затворникъ и извѣстный канонистъ Іоаннъ Соколовъ.

„Въ высшемъ отдѣленіи Академіи основное богословіе и догматическое преподавалъ нашъ инспекторъ и профессоръ архимандритъ Макарій. И въ наше время онъ уже приобрѣлъ извѣстность; слава его росла быстро. Занимался онъ много и тщательно приготавливалъ лекціи. Говорилъ онъ всегда безъ всякой тетрадки и ходя; рѣдко очень садился на кафедру. Излагалъ онъ уроки обстоятельно и живо; но какъ бы заученно, и почти не останавливаясь, не прерывая рѣчи вопросамъ студентовъ, отъ чего подъ конецъ лекціи наше вниманіе ослабѣвало. Онъ очень дорожилъ своими лекціями, и любилъ отвѣты, можно сказать буквальныя; отъ того репетиціи были для насъ тяжелы. Злые языки студентовъ и Макарія прозвали копистомъ, пожалуй, и мѣтко”.

„Нравственное богословіе преподавалъ бакалавръ о. Теофанъ. Дѣлая еще первые шаги въ наукѣ,

онъ какъ-то при объясненіяхъ сбивался. Мысли его отличались глубиной и новостью въ наукѣ, но излагались неопредѣленно такъ, что трудно было запомнить за нимъ отчетливо лекцію. Направление уроковъ о. Теофана было аскетическое и вмѣстѣ мистическое. Впоследствии, когда Теофанъ давно уже оставилъ должность бакалавра, свое ученіе онъ изложилъ въ прекрасныхъ письмахъ о христіанской жизни. Много его сочиненій теперь замѣчательныхъ, извѣстныхъ публикѣ. Высокій подвижникъ, онъ не переставалъ назидать публику своими трудами, живя на покоѣ въ Вышенской пустынѣ (Тамбовской губерніи) въ санѣ Епископа. Этотъ святой старецъ очень близко подходитъ къ святителю Тихону Задонскому, и достойно читается всѣми“.

„Каноническое право преподавалъ о. Іоаннъ Соколовъ, переведенный въ нашу Академію изъ Московской. Уроки его мы слушали съ удовольствіемъ. Очень даровитый, онъ имѣлъ смѣлый полетъ мыслей и здоровую голову. Изъ скучнаго, повидимому, предмета онъ умѣлъ сдѣлать весьма интересный по манерѣ изложенія. Въ преподаваніи онъ много отличался отъ Макарія, говорилъ довольно медленно, возбуждалъ вопросы и рѣшалъ ихъ превосходно. Особенно онъ обладалъ и критическимъ талантомъ. Помню, когда онъ разбиралъ Духовный Регламентъ, мы были въ восторгѣ. О. Іоанна мы по справедливости, думаю, считали выше Макарія, по его глубокому и самостоятельному уму. Къ сожалѣнію, своеобразный характеръ Іоанна и его нерѣдко страстные выходки много повредили ему и замедлили ходъ по службѣ. Жаль, что этотъ умный человѣкъ не пожилъ дольше въ архіерействѣ“.

Этой блестящей характеристикой и можно закончить воспоминанія Владыки Леонтія о сколько-нибудь выдающихся дѣятеляхъ Петербургской Духовной Академіи въ его время.

Протоіерей В. Шингаревъ.

Продолженіе слѣдуетъ).

Посѣщеніе Высокопреосвященнымъ Архіепископомъ Николаемъ лазаретовъ.

25 августа Высокопреосвященный Николай, Архіепископъ Варшавскій и Привислинскій, посѣтилъ больныхъ и раненыхъ воиновъ въ I госпиталѣ Краснаго Креста Елисаветинской общины по Смольной ул. и участливо разспрашивалъ и ободрялъ всѣхъ своимъ Архипастыремъ привѣтливымъ словомъ, не исключая и иновѣрцевъ, а потомъ вручилъ настоятелю церкви свящ. Е. Преображенскому крестики евангелія, молитвословы и другія книжки религіозно-правотвеннаго содержания для раздачи больнымъ и раненымъ. 26 августа Владыка посѣтилъ II госпиталь Краснаго Креста въ зданіи Александро-Маріинскаго института на Вейской ул.

3 сентября Высокопреосвященный Николай, Архіепископъ Варшавскій и Привислинскій, прибылъ въ 4 ч. въ больницу Младенца Іисуса и посѣтилъ больныхъ и раненыхъ, помѣщающихся въ

оборудованныхъ магистратомъ гор. Варшавы университетскихъ клиникахъ. У постели каждаго больного и раненаго, безъ различія вѣры и національности, Владыка выслушивалъ объясненія врачей и затѣмъ ласково бесѣдовалъ съ больными. Съ грузинами онъ вспомнилъ молитвы на ихъ языкѣ, приведи въ восторженное настроеніе раненыхъ воиновъ, съ поляками бесѣдовалъ о тѣхъ моментахъ въ исторіи, когда русское и польское оружіе дѣйствовало противъ общаго врага, а евреевъ именовъ общаго Бога Авраама, Исаака и Иакова подкрѣплялъ въ твердости и терпѣніи. Очевидцы сообщаютъ, что трогательно было видѣть, какъ больные и раненые, не только православные, но и иновѣрцы, хватали руки Архиепископа, чтобы облобызать ее въ знакъ искренней благодарности. Пробывъ болѣе 2 час. въ лазаретѣ, Высокопреосвященный Николай отбылъ, провожаемый священникомъ, больничной церкви о. Шабаринымъ, президентомъ города, медицинскимъ инспекторомъ и др. лицами, встрѣчавшими и сопутствовавшими Владыкѣ при обходѣ лазарета.

Кромѣ поименованныхъ лазаретовъ Высокопреосвященный Архиепископъ Николай посѣтилъ еще лазареты: Ея Императорскаго Высочества, Великой Княгини Елены Владиміровны на Закрочимской улицѣ, въ Уяздовскомъ военномъ госпиталѣ, въ Суворовскомъ кадетскомъ корпусѣ и въ Прагской мужской гимназіи. Во всѣхъ этихъ лазаретахъ Владыка обходилъ раненыхъ воиновъ, бесѣдуя съ ними, ободряя ихъ для новыхъ подвиговъ и раздавая имъ крестики, евангелія, молитвословы и брошюры религіозно-нравственнаго содержанія.

МѢСТНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

29 августа, въ день Усѣкновенія главы Иоанна Прѣдтечи, въ Александро-Невскомъ соборѣ, Высокопреосвященнымъ Николаемъ, Архиепископомъ Варшавскимъ и Привислинскимъ, совершена была божественная литургія, въ сослуженіи соборнаго духовенства, а послѣ нея при участіи городского духовенства панихида по въ Божѣ почивающихъ Государяхъ Императорахъ Александрѣ Павловичѣ, Александрѣ Николаевичѣ, Александрѣ Александровичѣ и всѣхъ воинахъ, за вѣру и отечество на брани животъ свой положившихъ. На богослуженіи присутствовали высшія начальствующія лица и много молящихся.

* * *

30 августа, въ день перенесенія мощей св. Благочестиваго Князя Александра Невскаго и храмоваго праздника кафедральнаго Александро-Невскаго собора, въ соборѣ семь, Высокопреосвященнымъ Архиепископомъ Николаемъ совершена была въ сослуженіи Преосвященнаго Епископа Иосафа и соборнаго клира божественная литургія, а послѣ нея при участіи городского духовенства мелебенъ св. Александру Невскому.

Наканунѣ праздника всенощное бдѣніе Высокопреосвященный Архиепископъ Николай совершилъ въ старомъ Св.-Троицкомъ соборѣ.

* * *

31 августа Высокопреосвященный Николай, Архиепископъ Варшавскій и Привислинскій, совершилъ божественную литургію въ старомъ Св.-Троицкомъ соборѣ. Въ концѣ литургіи Высокопреосвященный Архиепископъ произнесъ слово о жизни и дѣятельности Св. Благочестиваго Князя Александра Невскаго.

* * *

7 сентября Высокопреосвященный Николай, Архиепископъ Варшавскій и Привислинскій, совершилъ божественную литургію въ старомъ Св.-Троицкомъ соборѣ.

* * *

Наканунѣ праздника Рождества Пресвятой Богородицы, въ 6 часовъ вечера, Высокопреосвященный Николай, Архиепископъ Варшавскій и Привислинскій, совершилъ всенощное бдѣніе въ старомъ Св.-Троицкомъ соборѣ, а въ самый праздникъ божественную литургію въ новомъ Александро-Невскомъ соборѣ. По окончаніи литургіи совершенъ былъ молебенъ Пресвятой Богородицѣ. На литургіи и молебнѣ на ектеніяхъ возглашалось моленіе о здравіи и спасеніи Преосвященнаго Анастасія, Епископа Холмскаго и Люблинскаго, и членовъ Холмскаго Свято-Богородицкаго Братства по случаю годового праздника Братства. Послѣ обычныхъ многолѣтій возглашено было многолѣтіе и указаннымъ лицамъ.

Содержаніе: Отдѣлъ I. Епархіальныя распоряженія и извѣстія.—Рапортъ.—Докладъ. Отдѣлъ II. Воля Царя и народа.—Митрополитъ Леонтій въ своихъ замѣткахъ и воспоминаніяхъ. (Продолженіе).—Посѣщеніе Высокопреосвященнымъ Архиепископомъ Николаемъ лазаретовъ.—Мѣстныя извѣстія.

Редакторъ, Протоіерей **В. Шингаревъ.**

Дозволено Военною Цензурою—Варшава, 15 сентября 1914 года.

Типографія Варшавскаго Учебнаго Округа Краковское Предмѣстье № 3.